

П. Е. МАТВИЕВСКИЙ

Виктор ДОНСКОЙ



ОГИЗ
Чкаловское издательство
1942

46883

~~456~~



РФ-М-46883

Есть электронная
копия

9(0)12/10
M33
П. Е. МАТВИЕВСКИЙ

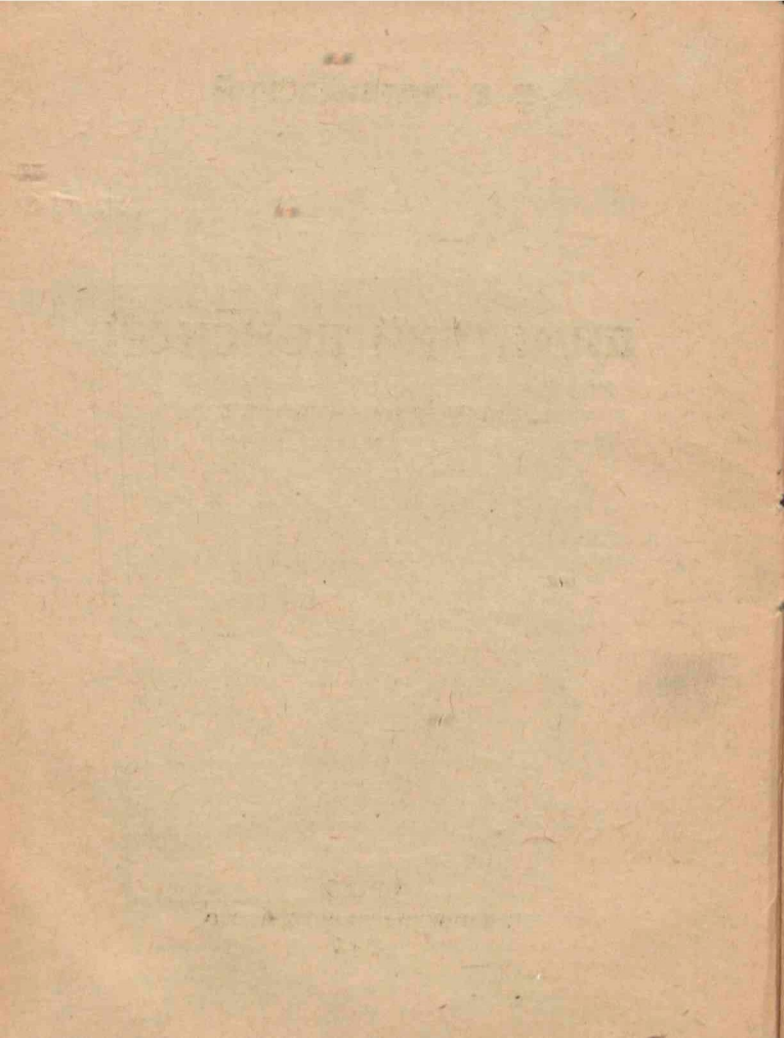
46883
ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Популярный очерк

ПРОВЕРЕНО

Чкаловская
областная библиотека
читальня №
ОГИЗ

Чкаловское издательство
1942



I.

РУСЬ ПОД ИГОМ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И РОЛЬ МОСКВЫ В БОРЬБЕ С ПОРАБОТИТЕЛЯМИ

В тринадцатом веке разорванная на куски и раздираемая междоусобиями Русь сделалась жертвой татаро-монгольского нашествия.

Русские земли (как и земля грузин) „...разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств,—говорит товарищ Сталин,—не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга...“¹⁾

Князья—„добытчики“ дрались между собой, как коршуны, забывая о родстве, о единении, о народе. Это понимал еще автор „Слова о полку Игореве“. Горячий патриот, он страстно призывал в своей поэме „русских князей к единению как раз перед нашествием монголов“²⁾.

Наконец, пришел роковой 1237 год...

¹⁾ И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Издание 1941 г., стр. 6.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.

На русскую землю Батый наступил
С поганой своею ордою.
С степей Понизовья разнес он погром...
Он нивы и пажити топчет конем!
Людей избивает и палит огнем
Обитатели, села и грады...

Захватчики двинули на Русь 300-тысячное войско.

Разобщенные силы князей не могли дать отпора татарам. И, несмотря на то, что народные массы во время битв оказывали героическое и упорное сопротивление татарам, они все-таки захватили русские земли.

Князья теперь не имели никакой политической самостоятельности. Ханы приказывали, например, князю Ярославу: „Дай путь немецкому гостю (купцу.— П. М.) на свою волю“ и обязывали князей „быти в их воле“. На население наложена была тяжелая „дань неминуемая“.

Народ вынужден был терпеть ненавистное иго, хотя иногда смело восставал против поработителей. В господствующих же классах вырабатывались раболепие и продажность, постоянно порождавшие измены и предательства.

Страна находилась под гнетом. Это было время экономического, политического и культурного застоя. „Татары,— писал А. С. Пушкин,—не походили на мавров (арабов); они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля“.

„Это было иго, — говорит Маркс, — которое не только подавляет, но и растлевают и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства“¹⁾.

Однако татарам не удалось сломить патриотизм русских людей. Еще во времена Батыя патриоты призывают к витязям-богатырям и призывают их воскресить увядшую в неволе „светло-светлую и прекрасно украшенную землю русскую“.

Епископ Серапион в своем знаменитом „Слове“, рисуя гнет „иноплеменников“, упрекает князей за то, что они склонили головы перед врагом. „Кровь отцов и братьев наших, — говорил он, — как вода, обильно напоила землю. Исчезло мужество князей и воевод наших; богатыри, охваченные страхом, бежали. Множество же братьев и детей наших уведено в плен. Села наши поросли лесом. Смирилось величие наше, погибла красота наша; богатство наше и труд стали достоянием иноплеменников. Соседям нашим мы стали в поношение, посмешищем стали врагам нашим“.

В народном сознании постепенно зрела мысль о необходимости свержения монголо-татарского ига; накапливались для этого и силы.

¹⁾ „Секретная дипломатия XVIII века“.

Главным условием свержения было объединение раздробленной русской земли.

Внук Александра Невского Иван Данилович Калита (1325 - 1348)—это „первый собиратель земли русской и народа своего“, который положил начало объединению княжеств вокруг Москвы.

При татарском иге он проявил большое умение находить средства для достижения поставленных целей.

Получив ярлык (грамоту) на великое княжение, Иван Калита вошел в полное доверие к хану Узбеку и незаметно превратил его в орудие своей политики. „Свою собственную слабость,—говорит Маркс,—свое рабство он превратил в главный источник своей мощи“¹⁾.

Он добился у хана права собирать дань со всех русских земель и доставлял ее в Орду. Это право в руках Калиты оказалось средством давления на удельных князей. „Не охотник и не мастер бить свою братию мечом,—говорит историк,—Московский князь получил возможность бить ее рублем“.

На средства от собирания дани он покупает земли и города, ставит в зависимость от себя угличских, белозерских и галицких князей, обязывает владимирского князя безропотно доставлять дань в московскую казну.

¹⁾ „Секретная дипломатия XVIII века“.

По праву, полученному также от хана, Калита судит удельных князей. В то же время Ивану Калите удалось на 40 лет оградить русскую землю от повторявшихся грабительских татарских набегов.

Впервые Калита благоустраивает и укрепляет Москву: обносит ее крепкими дубовыми стенами и окапывает глубоким рвом, строит высокие деревянные хоромы, возводит каменные храмы, в том числе Успенский собор. Наконец, при нем митрополит переезжает из Владимира в Москву.

Уже при Иване Калите Москва становится средоточием экономической, политической и культурно-религиозной жизни Руси.

Все преемники Ивана Калиты, отмечает Маркс, придерживались его объединительной политики „усердно, постепенно, неуклонно“.

Отныне исторические судьбы русской земли и русского народа решаются в столице Москве, где зреют передовые освободительные идеи и „рождаются мужей великих имен“.

Одному из них выпало нести знамя борьбы за первенство и укрепление Москвы как центра всей Руси и впервые восстать со всем народом против иноземных поработителей.

Это был внук Ивана Калиты — замечательный государственный деятель и полководец, народный герой Димитрий Иванович Донской.

II.

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ И ЕГО ПОЛИТИКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ РУСИ

Димитрий родился в июле 1350 года. Его детство прошло в тревожной обстановке. Раздробленную Русь теснили враги извне, терзали ее и внутренние междоусобия. Малодушный и безвольный отец Димитрия, Иван II, удерживал положение Москвы почти исключительно милостью хана.

По смерти Ивана II остались сыновья Димитрий и Иван и племянник Владимир Андреевич. Преемником отца был девятилетний Димитрий, окруженный теми слоями московского боярства и придворной знати, которые усматривали прочность своего господства в усилении и первенстве Москвы.

Мать Димитрия, княгиня Александра, занималась воспитанием детей. Однако Димитрий не получил достаточного образования—он был слишком рано втянут в водоворот житейских и государственных дел.

Это был вдумчивый, настойчивый, энергичный человек с широкими замыслами. Он не любил попусту много говорить, но в спорных вопросах побеждал своих учителей.

Скромный, приветливый к народу и боярам, Димитрий был „высокого ума, смиренного смысла, красен бе взором и чист душею“.

Наряду с этим летописец рисует Дмитрия беспощадным к врагам и твердым защитником друзей. Внешне, по описанию современников, это был настоящий русский былинный витязь-богатырь: „бл҃а҃ше крепок и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и тяжек собою зело, брадою ж и власы черн, взором же дивен зело“.

Достойный потомок славного Александра Невского, почитатель своего деда—„собира́теля“ земли русской Ивана Калиты,—Дмитрий показал себя выдающимся государственным деятелем и отважным полководцем. Он предусмотрителен, бдителен и всегда готов предупредить всякие случайности. Вот почему наблюдательному летописцу Дмитрий справедливо представляется как „отец миру, око слепым, нога хромым, труба спящим...“

За свои дела и подвиги как великий патриот, беззаветно преданный родной Руси и отдавший всю жизнь на борьбу за ее единство и независимость, Дмитрий пользовался известностью и любовью.



Дмитрий начинает самостоятельную жизнь совсем ребенком после смерти отца (в 1359 году). Положение девятилетнего Дмитрия, правда, облегчалось существованием сравнительно сильного княжеского союза во главе с

Москвой, союза, который при нем получает национальное значение.

Московские бояре и союзники-князья помогают Димитрию получить у хана ярлык на великое княжение. В 1359 году они силой заставляют суздальского князя (соперника Димитрия, пытавшегося трижды удержать за собой великое княжение) подчиниться Москве.

Скоро Димитрий совершенно отчетливо сознает, что внешние враги, терзавшие отчизну, татарское иго и раздробленность земель являются величайшим препятствием на пути хозяйственного и политического развития Руси.

Чтобы устранить эти препятствия, необходимо было дальнейшее возвышение и укрепление Москвы путем приобщения к ней удельных земель и городов. Димитрий поэтому окончательно закрепляет за Москвой костромские, белозерские, галицкие, угличские земли, присоединяет города: Димитров, Медынь, Калугу, Стародуб, Ростов, Тулу и, наконец, (стольный в прошлом) Владимир.

Димитрий проводит также ряд весьма существенных хозяйственных и политических реформ. В частности, он заменил бывшие до тех пор в ходу кожаные деньги—куны—серебряными монетами.

В 1367 г. Димитрий заложил в Москве каменный кремль—крепость, о которую в следующие годы дважды разбиваются вражеские

литовские войска. Впервые при Димитрии появляются крепостные пушки и огнестрельное оружие.

Неоднократные народные восстания, сопровождающиеся убийствами ханских баскаков, заставили московского князя искать пути к быстрейшему национальному сплочению и избавлению Руси от татарской неволи.

Но прежде чем начать открытую борьбу, Димитрий настойчиво разбивает тех представителей своего класса, которые противятся его политике. Прежде всего необходимо было сломить независимость обособленного и довольно сильного тверского князя Михаила Александровича. Последний был оплотом всех князей и бояр, враждебных Москве.

Вооруженная борьба с тверским князем началась в 1367 году и продолжалась свыше семи лет.

Михаил Александрович привлек на свою сторону золотоордынского хана, а также зятя, литовского князя Ольгерда, враждовавшего в свою очередь с Димитрием. Поздней осенью 1368 года и зимой 1370 года Ольгерд с многочисленным войском совершал опустошительные походы. Он дважды безуспешно осаждал белокаменную Москву и вынужден был просить мира.

После неудачных нападений Ольгерда Михаил отправился в Орду и, получив ханский

ярлык, возвратился оттуда с послом Сараходжею во Владимир. Когда же владимирцы решительно заявили послу, что великий князь — один, „другого не знаем“, рассвирепевший Сараходжа потребовал к себе Дмитрия, но получил от него надменный ответ: „К ярлыку не еду, Михаила в столицу не пускаю, а тебе послу путь свободный“ (т. е. убирайся вон).

Однако силы для открытой борьбы у Дмитрия были еще недостаточны. Великокняжеский совет решил временно примириться с Ордой.

В июле 1371 г. Дмитрий отправился в Орду, просил прощения у хана за ослушание. Переговоры закончились тем, что Дмитрий получил новый ярлык и выхлопотал значительное снижение дани с русских земель.

Возвращаясь домой по Большой Ордынской дороге, князь слышит возгласы встречавшего его народа: „Орда жиреет нашим трудом!“, „Выход не по силам!“, „Пусть хан подавится им!“, наконец: „Веди нас, княже, на татар!“.

Одним из коварных недругов Москвы был также рязанский князь Олег, ставший впоследствии изменником отчизны.

Подавить самостоятельность князей и разбить навсегда их сопротивление идее объединения — такова была прямая, настойчивая и последовательная политика Дмитрия, проявлявшаяся во всех его государственных делах.

Не считаясь с местными расчетами князей, Димитрий подчиняет свою деятельность служению интересам всей Руси.

С целью политического укрепления Москвы Димитрий меняет систему административно-политического управления. Навсегда упраздняется в Москве должность тысяцкого, умалявшая власть великого князя. Посадников заменяют волостели и наместники.

Вносятся некоторые изменения также в организацию суда.

Впервые на Руси Димитрий вводит публичную смертную казнь после суда для политических преступников и конфискацию их имений.

Первая казнь „повелением князя великого“ была совершена в Москве. Политическим преступником был пособник тверского князя и татар Иван Васильевич Вельяминов, недовольный упразднением чина тысяцкого. За измену родине он „мечом бысть потят на Кучкове поле“ 30 августа 1379 года. Вторым преступником был также предатель и изменник купец Некомат, казненный зимою 1383 года по одному делу с Вельяминовым.

Идею государственного единства всей Руси, между прочим, наглядно изобразил Димитрий в надписи на своей государственной печати: „Печать князя великого Димитрия всея Руси“.

Разбив внутренних врагов, затем литовского